

С.Е. Сэрпиво

Гендерные стереотипы в традиционной культуре ненцев

Аннотация. Статья посвящена процессам формирования, закрепления и трансляции гендерных стереотипов в традиционной культуре ненцев. Актуальность работы продиктована отсутствием подобных исследований культуры коренных народов Западной Сибири. Исследование традиционной культуры ненцев в данном аспекте, на наш взгляд, может внести существенный вклад в научное понимание этого феномена. Опираясь на целый ряд теоретических источников и собственный этнографический материал, автор квалифицирует этнические стереотипы как важнейший устойчивый компонент традиционной культуры, обеспечивающий её выживание и сохранение. Представления о женственности и мужественности закладываются с самого детства и тесно связаны с ментальностью народа, закрепляясь в картине мира. Наиболее полно они отражены в фольклоре ненцев – ярабцах (эпосе), нюкубцах (детских песнях), личных песнях. Именно фольклор является важным средством межпоколенной трансляции гендерных стереотипов, а также важнейшим источником для их исследования. Несмотря на то, что многие современные ненцы отходят от традиционных сфер жизнедеятельности, представления о женственности и мужественности продолжают сохраняться, выполняя важнейшую функцию поддержки этнической идентичности ненцев.

Ключевые слова: гендер, стереотипы, ненцы, традиционная культура, женственность, мужественность, статус, фольклор.

S.E. Serpivo

Gender stereotypes in the traditional culture of the Nenets

Abstract. The aim of the article is to examine the processes of formation, consolidation and transferring of gender stereotypes in the Nenets traditional culture. Based on the previously published works of gender researchers and own ethnographic material, the author examines the ethnic stereotypes as an important component of sustainable traditional culture. These stereotypes support the cultural survival and conservation of traditional culture in the processes of globalization. These gender stereotypes are reflected at the most in the Nenets folklore: *yarabts* (epos), *nyukubts* (children's songs) and personal songs. Since the folklore is an important tool and a factor in the maintenance of gender stereotypes, it is also the most important source for research of gender issues. Despite the fact that many modern Nenets are now leaving the traditional way of life in tundra, their traditional notions of femininity and masculinity are remain. So do gender stereotypes, which perform an important function – to maintain the ethnic identity of the Nenets.

Key words: gender stereotypes, Nenets, traditional culture, femininity, masculinity, the status of folklore.

Традиционное общество строится на чётком разграничении сфер «мужского» и «женского», взаимоотношения которых регулировались разделением труда, основанного на физиологических различиях между полами. В то же время современный научный гендерный подход строится на более глубоком понимании проблемы гендера, не сводя его к естественному биологическому разделению полов, и позволяет рассматривать женщину и мужчину через систему их взаимоотношений,

вследствие чего традиционная культура перестаёт выглядеть набором традиций и обрядов. В данной статье, основываясь на работах гендерных исследователей и собственном этнографическом материале, мы рассматриваем процессы формирования, закрепления и транслирования гендерных стереотипов в ненецкой картине мира, определяем их роль в сохранении культуры.

Следует отметить, что гендерные исследования в области этнологии и культурологии –

сравнительно новое направление в изучении традиционных культур. Именно этнографы, изучая культурную жизнь разных народов, первыми обнаружили значительные различия в понимании представителями этих народов, социальных ролей, позиций, прав и обязанностей мужчин и женщин. В работах крупных антропологов задолго до современных дискуссий было показано, что указанные различия варьируются в разных странах, у разных этносов и обусловлены множеством факторов – как социальных, так и внесоциальных (например, географическим, климатическим, биологическим) [1, 27]. Например, М. Мид показала, что в разных обществах по-разному определялись роли матери и отца, а также позиции мужчин и женщин в общественной иерархии, представления о мужском и женском очень вариативны. «Если те качества менталитета, отмечает О.А. Воронина, которые мы считаем женственными – это пассивность, отзывчивость, любовь и нежность к детям – могут быть представлены как мужской образец в одном племени, а в другом не принимаются как большинством женщин, так и большинством мужчин, то у нас нет оснований считать такие аспекты поведения обусловленными биологическим полом. <...> Многие, если не все черты личности, которые мы называем мужскими или женскими так же мало связаны с полом, как одежда, манеры или форма головного убора, которые общество в данный момент предписывает полам» [2].

Впервые термин «гендер» введен Р. Столером в 1963 году. Он предложил использовать его для обозначения социальных и культурных аспектов пола, который до этого служил для обозначения грамматического рода [3]. Если пол в этнографической науке рассматривался как предписанный статус, данный человеку при рождении, то гендер связывается с влиянием культуры и социальных факторов, поэтому он определяется как статус достигаемый.

Новый взгляд на роль пола в культуре и истории стал основой своеобразной революции в гуманитарном знании, которую гендерологи называют «невидимой». Основным толчком появления данного научного

направления послужили общественно-политические и культурные процессы конца 1960-х годов в Европе. Рождение концепции «гендера» способствовало появлению исследований, в которых «история женщин» была отделена от «истории мужчин». Наибольшее отражение данный термин нашел в работах феминисток – А. Рич, Р. Унгер, Г. Рубин. Например, работа Г. Рубин «Обмен женщинами» (1975) считается классикой гендерной теории [4].

В то же время в современной науке до сих пор нет теоретического консенсуса в определении «гендера» и механизмов его. Некоторые исследователи, по замечанию Н.Л. Пушкарёвой, определяют гендер как «мыслительный конструкт, т.е. научную дефиницию, определяющую социально-культурные функции пола и позволяющую отличать эти функции от функций биологических. Те же, кто видит в гендере *конструкт социальный*, определяют его как реально (а не мыслительно) существующую систему межличностного взаимодействия, посредством которого создаётся, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка. Попросту говоря, гендер – это социальные проявления пола, или, ещё проще, “социальный пол”» [1, 27].

Следует отметить, что источники гендерного подхода были заимствованы из социологии. «У гендерного анализа как метода исследования социальных процессов таких источников и составных частей... было три: *теория социального конструирования* американского социолога Т. Парсонса, *теория социализации* Т. Парсонса и Р. Бейлса и *теория драматургического интеракционизма* И. Гофмана. Суть парсоновской концепции состояла в том, что окружающий нас мир скорее (и в большей степени) “сконструирован” и структурирован людьми, нежели предопределён природой (отсюда иное наименование парсоновской концепции – структурный фундаментализм» <...> Основной идеей теории социализации Т. Парсонса и Р. Бейлса был анализ того “как усваиваются общественные (в том числе половые) роли” и как индивид “обучается” им через механизмы поощрения и наказания» [1, 31]. Наконец,

в теории драматургического интеракционизма И. Гофмана – акцент переносится с символического опосредования бытия на взаимное восприятие людей, находящихся в замкнутом социальном пространстве. Т.е. речь идёт по- существу об особом способе социального конструирования гендера. «Драматургическая перспектива, пишет И. Гофман, – предполагает описание приёмов управления впечатлениями, выработанными в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нём, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, участвующих в переделах такого образования и взаимоотношений между ними» [5, 285–286]. В концепции И. Гофмана половые различия рассматриваются с точки зрения социального взаимодействия, которое предоставляет средства для выражения гендерной идентичности. Механизмом создания гендера, как отмечает А.А. Иванова, оказывается некий *гендерный дисплей* – «набор ритуализованных действий, совершаемых индивидом в ситуациях взаимодействия лицом-к-лицу. Данные действия воспринимаются как выражение естественной половой сущности индивидов» [6, 668]. Появление указанных выше трех концепций, позволило, по мнению Н.Л. Пушкарёвой, опровергнуть то, что «всё в мире делится на мужское и женское» [1, 31].

Отметим, что гендерная концепция не создала новых приемов анализа, но обобщила те подходы, которые уже существовали во многих социальных теориях. При этом О.А. Воронина выделяет три основных подхода в гендерных исследованиях и один ложный, или «псевдогендерный» подход. «Псевдогендерные» исследования – «те, в которых “гендер” используется как синоним слова “пол”, как традиционная социодемографическая категория (половой роли), а также те, в которых под видом гендерных проводятся исследования положения женщин и детей» [3]. Первый подход это – теория социального конструирования гендера. «В рамках этого подхода, пишет О. А. Воронина, – гендер понимается как организованная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами... Этот подход основан на двух постулатах: 1) гендер

конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей; 2) гендер конструируется самими индивидами – на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятия заданных обществом норм и ролей. Второй подход – понимание гендера как стратификационной категории. Которая наряду с классом, расой, и возрастом характеризует социальные отношения и роли между мужчинами и женщинами. Гендерная стратификация – это процесс, посредством которого гендер становится основой социальной стратификации, а воспринятые различия между гендерами – систематически “оцениваемыми и оцененными”. Третий подход это – “интерпретация” гендера как культурной метафоры. Согласно которому, мужское и женское существуют как элементы культурно-символических рядов: мужское – рациональное, культурное, а женское – чувственное, природное. В отличие от первых двух подходов, которые больше используются в социальных науках, гендер как культурная метафора используется в гуманитарных науках: философии, культурологии, истории и др.» [3].

Основными темами в рамках теории социального конструирования оказываются гендерные роли и стереотипы, гендерная идентичность, проблемы гендерной стратификации и неравенства. *Гендерные стереотипы*, наряду с гендерными нормами, гендерным самосознанием, являются важными элементами конструирования гендера. У. Липпман под стереотипами понимал «создаваемые культурой образы людей из других групп, которые призваны объяснить их поведение и дать ему оценку; при этом он трактовал стереотипы как избирательный и неточный способ восприятия действительности, ведущий к ее упрощению и порождающий предрассудки» [7, 9].

Ряд авторов под *гендерным стереотипом* понимают «схематизированные, нормативные, обобщенные представления о мужских и женских ролях, образах мужественности и женственности согласно общественным ожиданиям» [8, 107]; или «культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [9].

Некоторые авторы рассматривают их «как особые формы обработки информации, облегчающие ориентацию человека в мире... они выполняют обобщающую функцию, состоящую в упорядочивании информации; аффективную функцию (противопоставление “своего” и “чужого”); социальную функцию (разграничение “внутригруппового” и “внегруппового”)» [10]. Отметим, что данные определения не противоречат друг другу, но подчёркивают разные стороны феномена гендерного стереотипа, особенности его генезиса и функционирования.

Исследовав характеристику гендерных стереотипов, Т.В. Рябова утверждает, что им присущи: эмоционально-оценочный характер, устойчивость, стабильность и нормативность. «Поскольку норма — один из самых значимых видов социального контроля, поддерживающего целостность социальной системы... По причине своей нормативности гендерные стереотипы становятся элементом внутреннего социального контроля, поддерживая социально приемлемые образцы поведения. Индивид, желая соответствовать стандартам, выбирает для себя такую линию поведения, которую окружающие не расценивают в качестве девиантной» [7, 67].

Исследованию гендерных стереотипов и ролей в отечественной гуманитарной науке посвящены работы Т.Б. Рябовой (2001; 2003; 2008), А.В. Кирилиной (2003), Н.А. Коноплёвой (2003), Д. Мацумото (2003), М.А. Шумковой (2009), И.С. Клёцкиной (2009) и др. Гендерные стереотипы в традиционной культуре народов Севера, Сибири и Дальнего Востока рассмотрены в диссертационной работе С.А. Сорокиной (2005), на примере якутов — в работе А.И. Макаровой (2003). В то же время практически отсутствуют исследования, посвященные гендерным стереотипам и ролям коренных народов Западной Сибири, отличающихся особым языковым и культурным многообразием. Исследование гендерных стереотипов этих народов, в частности, ненцев, на наш взгляд, может внести существенный вклад в научное понимание данного феномена.

Представления о женственности и мужественности закладываются с самого детства

и тесно связаны с ментальностью народа, закрепляясь в картине мира. Сам народ является создателем гендерных стереотипов и транслирует их через материальную и духовную культуру. Их воздействие, начинается задолго ещё до рождения человека и происходит на протяжении всей его жизни. Мальчика называют смелым, сильным, будущим защитником, кормильцем семьи, а девочку будущей помощницей, мастерицей, хозяйкой чума. Наиболее ярко, очевидно, гендерные стереотипы выражены именно в традиционной культуре, так как именно традиционное общество все ещё строится на разделении труда по гендерному принципу. Уклад традиционной ненецкой семьи был в целом патриархальным. Формально главой семьи считался мужчина, а женщина во многих отношениях подчинялась ему, при этом каждый имел свои обязанности, функцию, благодаря чему регулировались межличностные отношения. Как считает А.В. Головнёв, «разделение жизненного пространства на мужскую (открытая тундра) и женскую (дом с очагом) доли, соотносится с ритмом мужских и женских действий: если активна женщина, пассивен мужчина, и наоборот. Обычай чередования усилий и распределения деятельности ролей женщин и мужчин можно назвать тундровым законом сохранения семейной энергии» [11, 39–40]. Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, ограниченность женского пространства, границы функционирования женщины в традиционной культуре оказываются намного шире, чем у мужчин. Ей принадлежали основные функции по созданию и сохранению семьи, передаче опыта, как социального, так и культурного, подрастающему поколению. Основное гендерное предназначение женщины в традиционной культуре — стать матерью, хозяйкой чума, хранительницей очага. К выполнению подобных гендерных ролей девочек готовят с детства через систему традиционного воспитания, согласно гендерным стереотипам присущим данному социально-культурному пространству.

Согласно ненецкой мифологии, женщина выступает праматерью-прародительницей мира, в отличие от мужчин *она деятельна в разных мирах*. Женщина связывает «этот

мир» с «иным миром», с миром духов. Именно детородная функция женщины и обуславливала её особое положение в традиционном обществе. Она выступает как представительница сакрального мира, и наделена огромными разрушительными и созидательными функциями. То есть женщина давала новую жизнь, но она могла и нанести вред человеку. Это очень точно сформулировано А.В. Головнёвым: «Женщина, источник крови, обладает способностью не только прервать жизнь человека (как и дать её), не только отнять священную силу у шеста *сымзы* (как и укрепить её) но и противостоять (как и потворствовать) тёмным силам заслоняя собой порог жилища» [12, 216] или: «женщине, наделённой свойством рожать, принадлежит и способность умерщвлять. Этим даром обладает её настолько же детородный настолько и жизнеубивающий орган» [12, 214]. Предполагаю, поэтому в фольклоре ненцев женщина представлена в двух ипостасях: *парнэ* (ведьма) - отрицательные качества, являющейся антиподом *ненэй не* – положительных качеств.

Социальный статус женщины напрямую зависел от количества детей. Женщину с детьми называли *нюсавэй' не* – букв. 'женщина с детьми'. А бездетность наоборот была несчастьем женщины. У многих народов причины её приписывались в первую очередь женщинам. Бездетную женщину называли *нюсяда не* – в переводе, 'женщина без ребёнка', 'женщина без детей'. Данное обстоятельство в старину служило предпосылкой к многоженству. А жизнь бездетной женщины при второй жене мужа (*таты*), как правило, любимой, сводилась к роли прислуги. Не только члены семьи, но и само общество негативно относилось к ней. *Хабтарка* 'бесплодная важенька', так оскорбительно называли бездетную женщину. Этот термин, по сведениям информанта (Возелова Л.Г. 1978 г.р.), встречается и у северных ханты.

Представления о мужественности и женственности у ненцев отражены в фольклоре - *нюкубцах*, *ярабцах*, сказках, в личных песнях. Детский фольклор *нюкубц* переводится как ласкательные песни, от слова *нюкуц* – ласкать, то есть песни, содержание которых

направлено на ласковое обращение к ребёнку сочиняемые родителями для детей. Посредством *нюкубц* родители закладывали в детей гендерные стереотипы, качествами какими те должны обладать в соответствии со своим полом и каким должно быть их поведение, в соответствии с требованиями данного общества. Мать сочиняет песню для каждого ребёнка индивидуально. Приведём пример из работы В.Н. Няруй:

Теда' Неко тамна нюдя,
Пыда мерэй нарамдана,
Хоей' нимня сюрбертаңа,
Хакэмда нядабаңгу –
Нибян' тэмбойм' паклеңгу,
Нерта, сэдораңгу, поёрта...
Спи, малышка, баю-бай,
Поскорее засыпай!
Незаметно подрастёшь,
С мамой по воду пойдёшь,
В тундре ягод наберёшь,
В чум дровишек принесёшь,
Будешь бабе помогать
В ушко нитку продевать... [13, 10].

Тексты песен для мальчиков аналогичны по содержанию: *Сёбям' мэтакоми нацям нядаңгу, нохоком хадаңгу* "Носящий капюшон папе поможет, песка добудет". Или «...*таррем' маманодо*": «*Нюдякоця Яптикава*», / *Яптикава* таявонда. / *Яптика* на мебетодо' / тикы нядо' хад' нгэнгу. / Хой' тэва ёряхавам' нява" / пыда ханоманда. / Падвы ты" на" ерв, / хунананда нгэнгодакэ» – «Молва идёт, / что у нас родился маленький Яптик. / Среди наших Яптиков / он будет самым сильным. / Он будет добывать много песка / и станет хозяином оленей пёстрой масти» [14, 95]. При этом запрещается нахваливать ребенка, называть его красивым, здоровым.

Характеристики идеальной женщины и мужчины представлены в эпических песнях ненцев: *ярабц*, *сюдбабц*. В фольклорных произведениях герой, прежде чем зайти в чум, где предположительно проживает наменная невеста, зубами разрывает рукавицу «*Нобанда пикцям' тив*» *сякалңада*» и, просовывая её под полог (*есяр*) к девушке, просит её зашить. Если рукавица была хорошо зашита, герой просит девушку выйти за него замуж. Или же в сказке *Нум' мядота вэсако*

(‘Соломенного чума старик’) старшие дочери старика, выполняя задание Хозяина Ветров сшить за ночь одежду, склеили шкуры рыбьим клеем, но их обман был раскрыт. И только младшая дочь справляется с этой задачей, вследствие чего Хозяин Ветров женится на ней (ненецкая народная сказка). Умение шить является одной из качеств хорошей хозяйки, и оно более важно, чем обладать красивым лицом. Наблюдается преобладание гендерной роли над физической красотой тела.

Но, тем не менее, стереотипы красоты являлись важной составляющей представлений о женственности. Лицо красивой женщины в фольклоре сравнимо с солнцем: *тю’уй сюрням’ядэланараха* ‘букв. как будто солнце водит’ или *тю’уй сюрням’ян хамола* ‘солнце на землю роняет’. В ненецких *ярабцах* находим следующие метафоры красоты: «Она вышла – снег на сажень вокруг светится от её лица» [11, 151]; «... откинул полог, там сидит женщина – красивая, будто в ней солнце отражается» (Ныйвай – Богач (Лаханако) [11, 196] или «Глянула я на крайний чум Младшего смертоносного. Из него вышла дочь Младшего Смертоносного – красивая, как светящееся солнце [11, 105–106].

Фольклор дает нам положительный стереотип героя, обладающего всеми необходимыми для этого качествами. Герой обладает большой физической силой, смелостью и отвагой: «Сын Хозяина Ябта Саля встал на ноги. Герой высок был, герой вырос. Два его плеча, как выдернутое с корнем дерево...» (Сын Хозяина Ябта Саля) [15, 32]. В конце повествования он всегда побеждает своих врагов. Герой всегда красив: «Глаза у него узкие, будто тонким ножом прорезаны, а нос маленький, вздёрнутый. Действительно, Младший Ябтоңэ красив» [11, 157] или «Вдруг послышались шаги, и заходит в чум молодой мужчина. Лицо у него красивое, глаза узкие будто острым ножом прорезаны» [11, 247].

Личные песни ненцев также дают яркие примеры гендерных стереотипов. Ненец в личной песне (*сё*) воспеваает красоту, мастерство своей супруги. Как правило, песня начинается с родовой принадлежности женщины: «Худей (*Сэрой* или *Лантэй*) *сядота*...

‘Красавица из рода Худи (*Сэротэтто* или *Лантандер*)’. Далее в тексте описываются умения женщины. Например: «*Сэрой*»*коя, Сэрой сядота, си»ми нив ңате. / Мэта саваками, си»виадрота – / Мэтини пивини – нени сэдвы»* – «Женщина из рода Сэротэтто, красавица из рода Сэротэтто ждёт меня. / Совик который я ношу, семиузорчатые - / Кисы которые ношу – женой сшиты». Женщина в своей песне поёт о том, какой сильный и смелый отец её детей: «*Торикавана сыранда хамаб / Мэбета Ядне тет парисе»эм подертнидав. / Ңарка яха’мюмня, Сабре»э’мюмня нэкалтанидав. / Хой’ тэва ямб тэвраңгунив...*» - «Когда выпадет первый снег / Сильный Ядне запряжёт четырёх чёрных (оленей – С.С.). / По большой реке, по Сабре отправится. / Привезёт тундрового длиннохвостого (песца – С.С.)...».

При выборе невесты ненцы в первую очередь учитывают экзогамные нормы, руководствуются экономическими соображениями – выбирают невесту из семьи равной себе по достатку. Главными качествами, которыми должна обладать будущая жена это трудолюбие, старательность, расторопность. Красота и внешние данные девушки отодвигаются на второй план. Тем не менее, на девушках с физическими недостатками, такими как хромота, косоглазие, женятся реже. Но даже данные обстоятельства не мешают им становиться хорошими хозяйками. Не пользуются также спросом у женихов девушки, которых характеризуют как *янота* – медлительная, *лэк* – лентяйка, *халэвдырта* – бездельница, буквально переводится как ‘порхающая подобно халею’.

В традиционной культуре существуют свои понятия этнической красоты: «*Сэр, паду няръяна, пыя харёй*» - ‘светловолосая (светлокожая), румяная, курносая’ (данные информанта Сэротэтто С.Е. 1970 г.р.). Но в поселково-городской среде (особенно в среде молодёжи) начинают преобладать совершенно другие стереотипы красоты, приближенные к европейским. По мнению сегодняшней молодёжи, современная ненецкая красавица высока, стройна, светлица. Достигается это часто изменением пигментации волос, разнообразными диетами. Т.е. и в области

стереотипов и норм красоты этническая культура подвергается воздействию глобализации, наблюдается тенденция *гомогенизации* – приведения к однородности, единообразию, что на самом деле является выражением характерной для общества потребления деэтнизации, нивелирования оттенков, обезличивания культуры, ее деиндивидуализации.

Несомненно, фольклор является важным средством и фактором сохранения и межпоколенной трансляции гендерных стереотипов, а также важнейшим источником для их исследования. Наиболее полно представления о женственности и мужественности у ненцев сохранены в *ярабцах* (эпических песнях), *нюкубцах* (детских песнях), в личных песнях. Хотя социально-экономические трансформации, происходящие в обществе в целом, разрушительно сказываются на тради-

ционном ненецком обществе, но, тем не менее, оно продолжает сохранять четкое разграничение «мужской» и «женской» сфер, основой которого является разделение труда по половому признаку. Таким образом, несмотря на то, что многие современные ненцы отходят от традиционных сфер деятельности, традиционные представления о женственности и мужественности продолжают сохраняться, выполняя важнейшую функцию поддержки этнической идентичности ненцев. Этнические гендерные стереотипы таким образом могут рассматриваться как важнейший, устойчивый и незаменимый компонент системы традиционной культуры этноса, поддерживающий, несмотря на нарастание модернизационных процессов, ее выживание, сохранение ее неповторимого лица, ее индивидуальности.

Литература

1. Пушкарёва, Н.Л. Как заставить пол заговорить? [Текст] / Н.Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 27–42.
2. Воронина, О.А. Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации [Электронный ресурс] / О.А. Воронина. – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/gend-4.htm> (дата обращения: 13.09.16).
3. Воронина, О.А. Основы гендерной теории и методологии [Электронный ресурс] / О.А. Воронина. – Режим доступа: <http://nashaucheba.ru/v18945/> (дата обращения: 11.05.2015).
4. Рубин, Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола [Текст] / Г. Рубин // Антология гендерной теории. – Минск: Пропилей, 2000. – С. 99–113.
5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / И. Гофман. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
6. Иванова, А.А. Социологические подходы к изучению гендерных отношений [Текст] / А.А. Иванова // Молодой ученый. – 2014. – № 4. – С. 667–670.
7. Рябова, Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике [Текст] / Т.Б. Рябова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – 246 с.
8. Шумкова, М.А. Методологические подходы к исследованию гендерных стереотипов [Текст] / М.А. Шумкова // Вестник удмуртского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 107–116.
9. Кирилина, А.В. Гендерные стереотипы в языке [Электронный ресурс] / А.В. Кирилина // Тезаурус терминологии гендерных исследований. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения: 11.05.2016).
10. Бутаева, М. Функционирование гендерных стереотипов [Электронный ресурс] / М. Бутаева. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 11.05.2015).
11. Головнёв, А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор [Текст] / А.В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
12. Головнёв, А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров [Текст] / А.В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
13. Няруй, В.Н. Неко' нюкубц: нарка ненэца «нюху» толабада книжкаца = Колыбельная Неко: книга для чтения взрослыми ненецким малышам [Текст] / В.Н. Няруй. – СПб.: Просвещение, 2012. – 23 с.

14. Сусой, Е.Г. Из глубины веков [Текст] / Е.Г. Сусой. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. – 173 с.
15. Куприянова, З.Н. Эпические песни ненцев [Текст] / З.Н. Куприянова. – М.: Наука, 1965. – 801 с.

References

1. Pushkaryova, N.L. *Kak zastavit' pol zagovorit'?* [How to make the gender to speak?]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2000, no. 2, pp. 27–42.
2. Voronina, O.A. *Gendernaja jekspertiza zakonodatel'stva RF o sredstvakh massovoj informacii* [Gender expertise of Russian legislation on mass media]. (In Russ.) Available at: <http://www.a-z.ru/women/texts/gend-4.htm/> (accessed: September 13, 2016).
3. Voronina, O.A. *Osnovy gendernoj teorii i metodologii* [Basis of gender theory and methodology]. (In Russ.) Available at: <http://nashaucheba.ru/v18945/> (accessed: May 11, 2015).
4. Rubin, G. *Obmen zhenshhinami: zametki po politjekonomii pola* [The exchange of women: notes on political economy of sex]. *Antologija gendernoj teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk: Propilei Publ., 2000. pp. 99–113.
5. Gofman, I. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole Publ., 2000. 304 p.
6. Ivanova, A.A. *Sociologicheskie podhody k izucheniju gendernyh otnoshenij* [Sociological approaches to the study of gender relations]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2014, no. 4, pp. 667–670.
7. Ryabova, T.B. *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoj rossijskoj politike* [Gender of power: gender stereotypes in modern Russian politics]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t Publ., 2008. 246 p.
8. Shumkova, M.A. *Metodologicheskie podhody k issledovaniju gendernyh stereotipov* [Methodological approaches to the study of gender stereotypes]. *Vestnik udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2009, no. 1, pp. 107–116.
9. Kirilina, A.V. *Gendernye stereotipy v jazyke* [Gender stereotypes in language]. *Tezaurus terminologii gendernyh issledovanij (Pod. red. A.A. Denisova)* [Thesaurus of terminology of gender studies (Ed. by A.A. Denisova)] (In Russ.) Available at: <http://www.owl.ru/gender> (accessed: May 11, 2016).
10. Butaeva, M. *Funkcionirovanie gendernyh stereotipov* [Functioning of gender stereotypes]. (In Russ.) Available at: <http://cyberleninka.ru/article> (accessed: May 11, 2015).
11. Golovnyov, A.V. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [The nomads of the tundra: Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. 344 p.
12. Golovnyov, A.V. *Govorjashhie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov* [Talking Cultures: tradition of the Samoyeds and the Ugrians]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995. 606 p.
13. Nyaruy, V.N. *Neko'njukubc: Harka nenjecja "njuhu" tolabada knizhkacja = Kolybel'naja Neko: Kniga dlja chtenija vzroslymi neneckim malysyam* [Neko'njukubc: harka nenjecja "njuhu" tolabada knizhkacja = Lullaby Neko: A book for reading to Nenets kids by adults]. Saint-Petersburg: Prosveshhenie Publ., 2012. 23 p.
14. Susoy, E.G. *Iz glubiny vekov* [From time immemorial]. Tyumen: IPOS SO RAN Publ., 1994. 173 p.
15. Kupriyanova, Z.N. *Jepicheskie pesni nencev* [Nenets epic songs]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 801 p.